

КУЛЬТУРНЫЙ СЛОЙ

нина, сделанный в 1970-е годы Виктором Теминым. Старичок Папанин там сфотографирован... с агитационной вазой! Просто иконное фото для такой выставки.

Среди фарфора 1980-х годов — подборка олимпийских мишек из коллекции Александра Борщуга, известного пермского коллекционера анималистического фарфора. Больше ничего подходящего по тематике в его обширнейшем собрании, очевидно, не нашлось.

Наконец, наступает время перестройки. Тут кураторы-отборщики по-прежнему верны интересу к первым лицам: Горбачёв, Ельцин, Рейган, Тэтчер... И ещё российский шаттл «Энергия — Буран».

Возникает ощущение какой-то недосказанности, как будто что-то важное осталось за кадром.

Александра Пестова сказала на пресс-конференции, предшествовавшей вернисажу, что кураторы сознательно отказались от комментирования, давая возможность зрителям самим делать выводы. Действительно, кураторских текстов в экспозиции нет. Это не значит, однако, что нет кураторской позиции, и проявляется она в первую очередь в отборе экспонатов. Так, исторические фото, запечатлевшие ужасы коллективизации, голодомора и ГУЛАГа, здесь отсутствуют, хотя всем известно, что они существуют.

Заметна избирательность и в менее болезненных темах: так, показывая 1960-е годы, авторы экспозиции отдают предпочтение «физикам» против «лири-

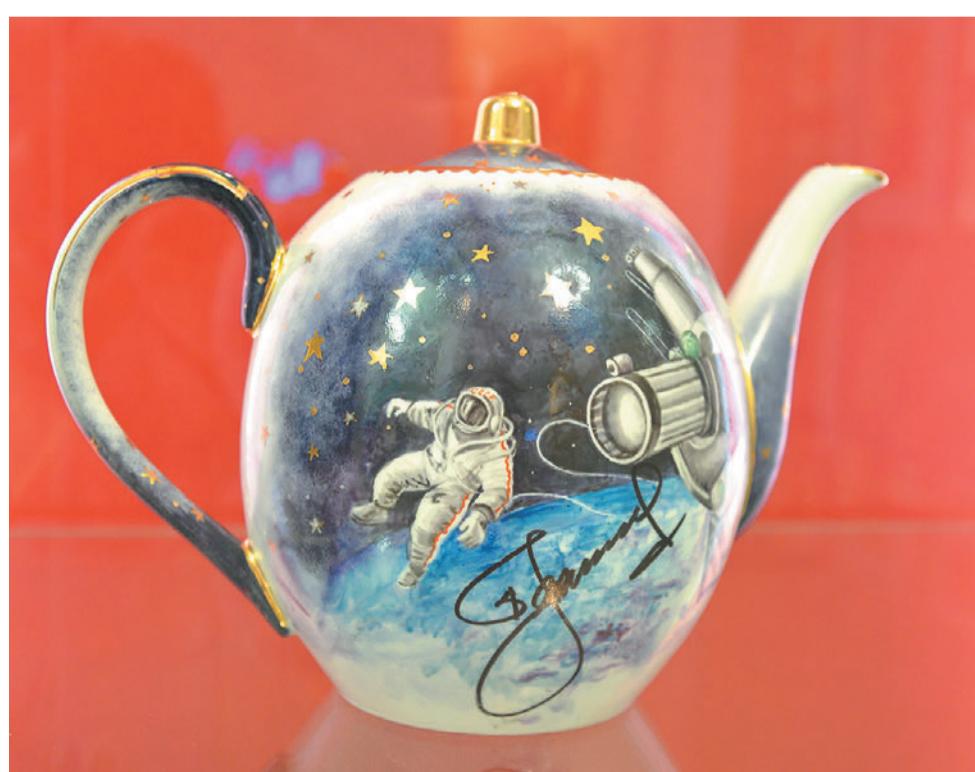
ков» — здесь есть фото исследователей и академиков, но нет фото поэтов «оттепели», выступлений в Политехническом музее и т. д.

На той же пресс-конференции было сказано, что выставка посвящена агитационному искусству, в этом её замысел. Однако в заголовке этого нет: «Взгляд в СССР. XX век в фотографии и фарфоре» — и всё. Как будто речь идёт вовсе не об агитационном, а об объективном историческом взгляде.

Принципиальный отказ от обсуждения сложных исторических тем при показе этих самых тем воспринимается как кураторская беспомощность. Агитационное искусство даёт такой простор для аналитики, для осмысливания, для воспитания! Можно было, например, провести сравнительный исторический анализ... политических демонстраций — от первых стихийных искренних народных выступлений через «культовые» физкультурные парады сталинского времени до брежневских, помпезных и многолюдных. Но ничего подобного не сделано. Никакого анализа. Никаких оценок.

Прошлое воспринимается в этом проекте исключительно позитивно и показано исключительно лакировочно. Недаром вернисаж начался с песни «Широка страна моя родная» в исполнении солиста Пермской оперы Эдуарда Морозова.

Что ж, мы все любим всё хорошее в великом советском наследии. Подпевали с удовольствием. Но если прошлое — действительно великое, оно не нуждается в «фигурах умолчания».

EX LIBRIS

Как мы дышим, так и пишем

Литературный журнал «Вещь» опубликовал «не роман» Нины Горлановой

Юлия Баталина

В названии «Роман с искусством», которое Нина Горланова дала своему новому произведению, слово «роман» надо понимать однозначно: «романтические отношения», но никак не «литературное произведение большой формы в прозе». В отношении жанра тут всё непросто, недаром редакция «Вещи» поместила «Роман...» в нетрадиционную рубрику «Между fiction и non-fiction».

Действительно, это не беллетристика в привычном понимании, но и документальной прозой это тоже не назовёшь: действие текста отнесено к полувымышленному миру, в котором живёт сама писательница и её близкие, к миру, где главными обстоятельствами являются события в сфере культуры (не важно, какого времени), главными участниками — персонажи вроде Мандельштама, Достоевского и Микеланджело, а главным действием — размышления о природе искусства.

Всё это хорошо знакомо тем, кому довелось хоть раз общаться с супругами-писателями Ниной Горлановой и Вячеславом Букуром или бывать на творческих встречах с ними. Текст состоит из небольших отрывков, которые, казалось бы, ничем друг с другом не связаны: да и внутри одного отрывка, бывает, логика столь причудлива и своеобразна, что никак не понять, чем второе предложение связано с первым (а третье вовсе отсутствует). Большинство этих историй — философских анекдотов с моралью — Нина Викторовна обычно рассказывает на встречах с читателями, а сейчас вот записала, собрала и издала под общим заголовком.

Эти мини-эссе о природе искусства (в основном литературы) парадоксальным образом помещены в пространство жутковатого горлановского быта с соседями по коммуналке — скандалистами, алкоголиками и проститутками, с вечной бедностью; в сюрреалистические обстоятельства, где в супермаркетах продают спитой и высушенный чай, а после пропажи любимой кошки повествователь, словно это в порядке вещей, замечает: «Наверное, бомжи съели».

Обитатели этой жизни, кажется, ничего не делают, кроме того, что смотрят телеканал «Культура» и после каждого фильма, спектакля или передачи пускаются в глубокомысленные рассуждения:

«Видели отрывок «Ревизора» с Мироновым и Папановым. Я сказала: «Знаешь, откуда городничий ничего не видит в конце? Это из «Гамлета». Король просил огня после «Мышеловки».

Очень откровенный текст, буквально саморазоблачительный: сразу становится понятно, почему сама Горланова и её проза столь многих раздражают. Но столь же многих своеобразие и лёгкая маргинальность писательской семьи восхищают и даже умиляют. Действительно, невозможно не оценить причудливый юмор, пронизывающий эти страницы и перемешанный с вселенской скорбью.

А сколько здесь чудных идей! Будь Горланова более деятельной, более pragmatичной, она могла бы целое состояние соорудить на одних идеях литературных памятников. Розанова она предлагает извяять с чаем и ложечкой варенья, Мандельштама — в духе «пермских богов», в больничном халате, подпирающим щёку, а проектов памятника чеховским трём сёстрам у неё, кажется, четыре. Не меньше и идей театральных постановок — например, «Вишнёвый сад» с пришельцами из космоса.

Но её призвание — не действия, а слова, слова, слова.

В общем, Горланова верна себе и будет такой всегда:

— И до самой смерти буду так писать.
— А может, и дальше. Там, может, пишут что-нибудь... (Слава Букур)